

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

АННА

ХАРФАГРА

Дмитрий Володихин

Анна Харфагра

«Автор»

Володихин Д. М.

Анна Харфагра / Д. М. Володихин — «Автор»,

ISBN 978-966-492-557-7

«Старый город лежал у моря, словно каменный краб-переросток, опустивший клешни в воду. Он был свидетелем ста эпох. Огни в окнах его домов наблюдали за райским садом, видели войны Изначалья, пугались от зрелища варварских нашествий, успокаивались, поглядывая на людей, вновь возводящих храмы на тех же самых улицах, да и харчевни у тех же самых дорог...»

ISBN 978-966-492-557-7

© Володихин Д. М.

© Автор

Дмитрий Володихин

Анна Харфагра

Старый город лежал у моря, словно каменный краб-переросток, опустивший клешни в воду. Он был свидетелем ста эпох. Огни в окнах его домов наблюдали за райским садом, видели войны Изначалья, пугались от зрелища варварских нашествий, успокаивались, поглядывая на людей, вновь возводящих храмы на тех же самых улицах, да и харчевни у тех же самых дорог...

Здесь все крошится – здания, мостовая, дряхлые иссохшие фонтаны. В крепостной стене вот уже два столетия зияют бреши, и нет денег, чтобы заделать их. Из крыш растут большие деревья, половина бульжников на главной площади прячется под травяными ежиками. Травы много, трава повсюду, особенно там, где старые дома давным-давно покинуты, и на их месте нагло щерятся пустыри. Иные переулки превратились в сплошные огороды.

Тут все бедны.

Бургомистр ходит в штанах деда, который тоже был бургомистром и донашивал шляпу прадеда. Каждую серебряную монетку в городе успели одолжить не менее десяти раз. Городская стража состоит из трех бойцов, вооруженных одним шлемом, одним щитом и одним копьём.

Зато в Старом городе существует множество приятного и красивого, чего в больших и не столь древних городах нет. А если и есть, то все равно никто не заметит.

Море здесь никогда не делается холодным. На побережье растут высокие сосны – светлые, прямые, в зеленых смолистых перчатках и шапочках с зеленой выпушкой. А головным уборам сосен вторят палевые береты островов, стоящих по пояс в морской воде на расстоянии тысячи гребков от берега. На тех островах, говорят, находили старинные вещи, причудливые раковины и золотые монеты давних эпох.

Улицы города по ночам наполняются песнями морских ветров, а днем по ним плавают запах жареной рыбы, оливкового масла и пышных цветов полуденной земли...

Только здесь, на окраине, в единственном богатом квартале, раз в год устраивают Магическую ярмарку.

Под ярмарочное время город всегда отдавал три недели, и на доходы, полученные от нее, потом жил большую часть года. Ярмарку много раз пытались перенести из Старого города в другое место. Например, в Великий город. Или в Город торговцев. Или в Город семи дорог. Но всякий раз она неотвратимо возвращалась домой. Некоторые события так прирастают к местам, где они регулярно случаются, что не пожелают уйти оттуда ни за какие коврижки. Их уносят за тридевять земель, а они, будто охотничьи собаки, по едва уловимым запахам находят родные края. Вот так и Магическая ярмарка – нигде не желала пускать корни, возлюбив один только Старый город. Она столько раз сбегала из других городов именно сюда, в великую тишь, к теплому морю, что на нее в конце концов махнули рукой: «А, живи, где хочешь, упрямица!» И она, положив хвост кренделем вокруг лап, спокойно зажмурила очи.

Раз в год Старый город наполняется чужаками. Чужаки прибывают из дальних мест в несносном количестве, очень много пьют и едят – куда в них столько лезет! Чужаки носят шляпы с перьями, шляпы с широкими полями, шляпы с золотым шитьем, шляпы с колокольчиками и остроконечные колпаки. Чужаки смотрят на местных жителей свысока, говорят на ста тридцати восьми языках, ужасно сквернословят и побрякивают оружием. Город переводит дыхание и устало садится в кресло, когда за последним чужаком закрываются ворота. Город отирает пот, несколько раз тяжело вздыхает и начинает привыкать к тому, что теперь уже не надо все время улыбаться прохожим. Город вообще по природе своей неговорлив, неспешен и любит уединяться. Большие шумные компании его не привлекают.

На Магической ярмарке можно купить всё, чего душа пожелает. Магическое и немагическое. Например, гвоздь из подковы великанского коня. Или медный прибор для письма, сделанный триста лет назад. Или амулет от золотухи. Или специальный порошок, превращающий петушинный крик в радугу. Или голубую шелковую ленту для шляпки. Или жезл бессмертия и всевластия. Или зеркальце в костяной оправе. Или ягоду, позволяющую с наступлением ночи превращаться в ясень. Или новенький меч, сработанный королевскими мастерами. Или волшебное снадобье от сглаза и чахотки. Или серебряную ракушку на цепочке, очень похожую на веер. Или зверя, способного за ночь возвести дворец, если хозяин все это время будет свистеть. Или трактат о восьми благородных безумиях и трех величайших сокровищах волшебника. Или гравюру с изображением парусного корабля, подаренного наследнику престола в день двадцатилетия. Или хрустальный браслет, позволяющий общаться с иными мирами и отбирать у врага умение стрелять из лука. Или добротные кожаные штаны, не то что бургомистрово старье. Или...

Хм.

Еще на ярмарке можно продать всё, что угодно.

Старую деревянную коробочку. Умение драться на топорах. Большого рыжего пса. Смех любых сортов и оттенков. Перстень с изумрудом. Воспоминания о прошлой жизни. Пирог со сливочной начинкой. Золотую колесницу. Лист из старинной рукописи о смысле жизни. Услуги костоправа. Последнюю совесть. Осенний ливень, – если, конечно, не слишком холодный. Способность зажигать огонь словом, – если, конечно, не устроишь пожар. Заклинания против чесотки, – если, конечно, сможешь доказать, что они работают.

Коли хорошенько поискать, обязательно найдется тот, кто готов опустошить кошелек, приобретая не только то, чего нигде не сыскать, но даже то, чего представить себе невозможно.

На окраине города, там, где улицы растворяются в пустырях, а пустыри жмутся к обрыву, там, где у кромки обрыва держат дозор древние сосны, жила девочка с прекрасными темно-русыми волосами. Волосы было гордостью и драгоценностью девочки. Росла она, становились длинней и они. Иногда девочка и волосы пребывали в полном согласии: она мыла их в травяном отваре, она расчесывала их, она завивала кончики; в ответ волосы начинали выглядеть благородно и значительно. Иногда девочка и волосы спорили, порой даже ругались. Девочка страсть как любила лазить по старым домам, забираясь в подвалы и на чердаки, еще больше ей нравилось играть на пустырях, бродить по старым запущенным садам, совать нос в такие дебри, куда и порядочный кот не всякий раз решался бы проникнуть. Ну и что же волосы? Те, которые в репьях, паутине и дорожной пыли? Те, за которыми так утомительно ухаживать? Разумеется, возмущались. Разумеется, начинали выглядеть ужасно... Они до обидного не понимали свою хозяйку! Но чаще девочка и волосы ладили.

Девочку звали Анна Харфагра, и она была дочерью старого художника. Когда она превратилась в шестнадцатилетнюю девушку, ни у кого из городских невест не было столь чудесных волос. И кое-кто фыркал у нее за спиной: «Ишь ты! Отрастила до пояса, как у какой-нибудь княгини! А ходит в рванье».

Волосы и впрямь были единственным богатством дочери художника. Семья ее была бедна. Но... чего тут стыдиться, когда весь город беден?

Отец очень хотел передать Анне своё ремесло. Он учил ее с детства. Учил упорно, не давая поблажки ни на один день. Дочь прекрасно знала, как создавать краски любого цвета, превосходно различала мельчайшие оттенки, отлично копировала чужие работы и умела орудовать кистью как самый лучший подмастерье... Но с каждым годом отец всё отчетливее понимал: из такого подмастерья мастер не получится. Чего-то не хватало.

По отдельности всё у девушки получалось таким, каким оно и должно быть. Птицы, звери, дома, цветы и даже люди выходили похожими на птиц, зверей, дома, цветы и людей. Но

ничуть не радовали глаз. Глянешь на такую птицу, и сразу увидишь: не летает. Зверь ни за что не побежит, цветок сделан из бумаги, а человек улыбается так, будто вот-вот заплачет. Если же собрать их вместе, становилось совсем плохо: куча посторонних друг для друга существ и предметов. Никто не мог долго задержать взгляд на ее картинах. Покупали их очень редко.

Иногда отец говорил Анне: «Сегодня ты работаешь самостоятельно. Нарисуй то, что тебе больше всего хочется нарисовать». А полдня спустя она приходила к нему со словами: «Лучше ты скажи, а то мне почему-то ничего не придумалось».

И отец со вздохом принимался укорять ее: «Шла бы ты в посудомойки! Видит Бог, помру, и сама себя не прокормишь». Впрочем, старый живописец надеялся, что прокормит ее какой-нибудь другой мужчина, ведь такие роскошные волосы просто обязаны приманить жениха.

Женихи время от времени появлялись. Но одни казались девушке слишком глупыми, другие – слишком настырными, третьи – слишком высокомерными. Анна Харфагра принималась насмешничать над очередным женихом, и это выходило у нее гораздо лучше, чем возня с кистью. Иной жених отставал от нее, покраснев от смущения, другой – побелел от гнева и сжав кулаки, третий – совсем растерявшись от полного непонимания: о чем говорит эта девушка? У дочери художника рано прорезался острый и язвительный ум.

Ну, и кто станет терпеть такую жену?

Напротив дома художника, через улицу, на земляном столе раскинулась зеленая ска-терть – большой и весьма заманчивый пустырь. За пустырем, сколько помнили горожане, всегда были дебри, а за дебрями – сосны над обрывом. Но если взять чуть в сторону, то там начиналась дорога в гору, а на горе стоял самый красивый дом во всем городе. Его сложили из больших блоков серого камня в незапамятные времена. Дымовую трубу украсили медною крышей с двумя резными фигурками птиц, раскинувших крылья и целовавшихся клювами. К островерхой крыше с четырех углов прилепились квадратные башенки. Дом стоял на мысу, одна его стена выходила к обрыву, и в ней было сделано большое круглое окно. Рядом с окном по темно-серой стене плавали маленькие каменные рыбки, меж ними щедрая рука зодчего раскидала каменные ракушки, а над ними, чуть выше окна, два каменных морских конька ткали медлительный узор менюэта.

Вокруг дома росли огромные липы и древние яблони – такие древние, что яблоки на их ветвях появлялись очень редко. Сад окружала кованая решетка с копейными наконечниками наверху.

Но разве может какая-то там решетка остановить озорную девочку, если ей хочется забраться в чужой сад? Тем более, решетка была стара, как и всё в городе, а потому только суший ленивец не отыскал бы в ней дырку.

Давным-давно Анна Харфагра облазила сад, побывала на мысу и даже нашла тропинку, бесконечным зигзагом спускавшуюся от дома к морю. Рядом с тем местом, где тропинка втекала в песок, штормовые волны и высокие приливы промыли в горе пещеру. Если во время отлива забраться туда, лечь на спину и закрыть глаза, легко представить себе неведомые страны на дальних берегах, где точно так же звучит мерное сказание прибора...

У самой пещеры море выгрызло в суше маленькое углубление, выложенное крупной галькой. Повинуясь ритму волн, зеленые кудри водорослей парили между цветными окатышами. Девушке нравилось смотреть на то, как вода играет ими, словно там, у самого берега, на ложе из драгоценных камней разметалась морская дева с изумрудными волосами, почти такими же прекрасными, как у нее самой.

Дочь художника хотела бы побывать в неведомых странах на дальних берегах, но гораздо больше ей хотелось жить в доме на мысу, смотреть на море из круглого окна, каждый день спускаться под гору, играть в гляделки с морской девой и наблюдать за медленным бегом парусников на горизонте. А если у нее когда-нибудь заведутся деньги, она непременно купит лодку,

спрячет ее в пещере и станет время от времени плавать на острова. Ведь надо же украсить дом хотя бы одной причудливой раковиной! А там, говорят, от причудливых раковин просто отбою нет.

Когда она станет старой, спускаться по такой крутой тропинке будет очень трудно. Анна отчетливо видела, как она, совсем уже седенькая бабушка, схватившись за поясицу, медленно-медленно бредет вниз, опираясь на палку... Может быть, стоит соорудить лестницу с перилами?

Одна беда: дом, сад и пещера принадлежали девушке только в мечтаниях. А на самом деле ими владел тот единственный волшебник, которого мог позволить себе Старый город.

Еще прапрапрадедом нынешнего бургомистра было с точностью до медной разменной монетки подсчитано: городу в три раза дешевле обойдется содержать волшебника, сведущего в оборонной магии, нежели отремонтировать стены и нанять бравых вояк для их обороны. Волшебнику платили, чтобы он не допускал в город чужих воров и держал на расстоянии разбойничьи шайки. А свои воры тут давно вывелись, поскольку горожан осталось мало и все знали всех.

Когда Анна исполнилось шестнадцать лет, прежний волшебник умер. Вскоре в его доме поселился новый маг.

Как только дочь живописца услышала об этом, она сейчас же решила опять забраться в сад. В конце концов, не ей ли он должен принадлежать? И разве какой-то чародеишка помешает ей бывать там, где она пожелает?

Отыскав дырку в ограде, она проникла в сад, как уже бывало многое множество раз.

Странно, сад как будто вырос за то время, пока она отсутствовала. Откуда здесь взялся вон тот кедр? Определенно, кедра не было. Откуда взялась цветущая вишня? Вишни уж точно быть не могло. А откуда... ох, что он себе позволяет!

Посреди знакомой полянки стоял совершенно незнакомый дуб с огромным дуплом. Из дупла на дочь художника пристально смотрела сова. Мигнула! Сова провожала девушку взглядом, когда та поворачивала то налево, то направо от дуба, и совиный взгляд тянул за собой всю большую совиную голову, поворачивая ее налево и направо.

Настоящая живая сова!

Она никогда не видела настоящей живой совы... Только на картинках. А эта сова – точно настоящая.

И такая же незнакомая, как и наглый дуб, ухитрившийся прорасти на этом месте, подняться чуть ли не вровень с соснами и раскинуть ветви на полполяны всего-то за месяц.

Ибо месяц назад она была здесь и на месте дуба возвышался роскошный лопух. Очень крупный. Но все-таки гораздо меньше дуба.

О, появился хоть кто-то знакомый!

Она всякий раз брала с собой орехи для четы белок, живших тут бог весть как давно. Не то что бы Анна Харфагра умилялась от одного вида белок, нет. Она вообще считала, что люди слишком много восхищаются рыжими мышами, хотя бы и счастливыми владелицами кошачьих хвостов. Но белки считались тут старожилками, старше – только ворон Гуг. И они всегда проявляли к ней уважительную благосклонность. Почему бы не отнестись к ним столь же вежливо? Вот Гуг ее просто не замечал. Иногда не замечал демонстративно. И ему от Анны не доставалось ни крошечки. Вот еще!

Белки схватили по ореху и живо утащили добычу на тайный склад. По старому приятельскому обычаю им полагалось очень быстро вернуться за новой порцией. Но сколько ни ждала девушка, белки не появлялись.

Анна огляделась. Неспроста попрятались рыжие мыши. Знать пришел кто-то страшный и спугнул их.

Человека она бы услышала. Обязательно треснул бы сучок под ногой. Или зашуршала бы прелая листва. Или... да люди вообще очень большие и шумные звери, трудно их не заметить.

За девушкой наблюдал кто-то поменьше человека, но побольше белки. Кто-то рыжий за ореховым кустом. Ой, и еще кто-то белый из зарослей малины.

Анна перестала двигаться, ожидая, не выглянет ли кто-то рыжий из-за куста, не высунет ли кто-то белый морду из малинника. Она даже дышать стала реже. Неподвижность ее длилась так долго, что девушка потеряла счет времени. Она упрямо не шевелилась. Она вообще слыла изрядной упрямецой, эта Анна Харфагра, и ничуть не считала подобную репутацию зазорной.

Наконец, белое бесшумно пропало. Ну надо же, не заинтересовалось!

Зато рыжее все-таки высунуло нос и правую лапу из-за куста. Потом сделало осторожный шаг вперед. Второй шаг. А за ним и третий.

Девушка осторожно повернула голову и встретилась взглядами с огромным старым лисовином. Он ничуть не боялся Анну. Он просто вел себя с подобающей осторожностью.

Лисовин подобрался поближе, и девушка сочла его любопытство достаточным поводом для знакомства. Она сказала новому обитателю сада:

– Если ты не против, я буду называть тебя... скажем, Нур.

Лисовин ничего не ответил, но и не ушел.

– Ты можешь возразить мне. Только потрудись сделать это прямо сейчас, иначе я буду считать, что ты согласен.

Лисовин почесал за ухом, как обыкновенная собака.

– Что за манеры! При даме чесать за ухом... Впрочем, мы можем подружиться. Тогда я научу тебя изысканным аристократическим манерам и даже буду приносить кое-что вкусное.

Анна вдоволь наговорила с новым знакомым. А потом услышала шум в самой темной части сада. Кто-то раздвигал кусты мощным телом, нimalo не скрываясь и никого не боясь. Девушка спряталась за деревом. А потом подумала: «Да от любого волшебника я сбегу гораздо быстрее, чем он поймет, кто к нему пожаловал. Зачем же мне прятаться?»

Дочь художника выглянула из-за дуба. За день она насмотрелась разных чудес. И чем было ее удивить старому саду после свежевыросшего дуба? После невозмутимой совы? После... после... нд-а-а...

На поляну, флегматично пожеывая, вышел олень с целой рощей рогов на голове.

«Этого не может быть, – сказала себе Анна. – Это уже слишком! До чего же ты хорош... Но тебя тут быть не должно. Олень! Абсолютно беззаконный олень. Я не позволяла ставить тут оленей. Ну, олень. Эка невидаль. Олень это просто такая корова, которая бегаёт по лесу ради хорошей фигуры. Вот она и сделалась поджарой... да еще нацепила новые рога на голову. Рога, кстати, могут быть и фальшивыми. Или, может быть, это и вовсе не ее рога, а такой парик. До чего же ты красивый... Откуда ты такой взялся?»

Олень прошествовал через поляну, не заметив Анну.

Выйдя из-за дерева, она разрешила себе сделать выдох.

Положительно, кем бы ни был этот новый волшебник, а он переборщил. Так нельзя! Допустим, у него даже есть вкус. Но все новое он ввел без ее разрешения. И сад, еще недавно бывший тайным царством Анны, вдруг наполнился опасностями, сделался чужим и непослушным. Раньше деревья шелестели, когда она говорила им, ветер начинался и переставал по ее мысленному приказу, а на кустах росли ягоды именно там, где она хотела их найти. А теперь? Все это безобразие пусть и красиво, но достойно самого сурового порицания. Разве можно так себя вести? Разве можно слушаться какого-то чужого волшебника!

Как будто мало ей Гуга с его скверным нравом!

Она решительно направилась к дому, придумывая, как бы ей наказать сад и вернуть полное над ним владычество. Слава богу, хотя бы дом ни в чем не изменился. Очень хороший, старый, добрый, покладистый дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.